
К ВОПРОСУ ОБ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ МОДЕЛЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ: ПАРТИЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ РЕФОРМ НАЧАЛА XX В.*

М.Н. Мосейкина

Кафедра истории России
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10-2, Москва, Россия, 117198

В статье реконструируется и анализируется идеология Партии демократических реформ, представлявшей собой идейную предтечу российского прогрессизма начала XX в. Рассматривается система политических, правовых, нравственных, философских взглядов и идей сторонников ПДР; специальное внимание уделено анализу представленной идеологами ПДР «почвенной модели» реформаторской демократии.

Ключевые слова: российская модернизация, идеология, прогрессизм, реформаторство, демократия, либеральная оппозиция, земство, народная монархия.

Современный этап развития российского государства характеризуется поиском модели модернизации, отвечающей требованиям XXI в., нуждается в новой культурной политике и национальном просвещении. Новая стратегия ведет к глубоким переменам в стране, изменению ценностей и общественной морали. Модернизация России XXI в. должна основываться, прежде всего, на принципах и институтах демократии, проводиться методами, понятными и находящими поддержку у основной массы населения, что предполагает свободный выбор и взаимную ответственность общества и государства.

Среди универсальных стандартов демократии президентом Д.А. Медведевым были названы: правовое воплощение гуманистических ценностей и идеалов, имеющих силу закона; способность государства обеспечивать и поддерживать высокий уровень технологического развития; способность демократического государства защищать своих граждан от посягательств со стороны преступных сообществ; высокий уровень культуры, образования, средств коммуникации и обмена информацией; личная убежденность людей в том, что они живут в демократическом обществе (1).

Сегодня зреет понимание того, что одной из главных угроз демократии является бедность, поскольку бедный человек не может быть свободным. И, наоборот, чем образованнее человек, чем выше уровень его культуры, тем

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект 08-01-00222а.

он свободнее в своих суждениях и самостоятельнее в своих позициях и тем выше шансы нации на устойчивую демократию.

Укрепление доверия к демократическим институтам и ценностям в стране напрямую связывается с решением задачи повышения благосостояния граждан России.

Подобный подход к модернизации оценивается современными политологами как прогрессизм (общественно-политическое течение, которое отстаивает либеральные принципы, подчеркивает связь прогресса и демократии и при этом выстраивает свою программу исходя из стремительно меняющихся реалий российской жизни).

В известной степени можно говорить о схожести ситуации в современной России с ситуацией в Российской Империи конца XIX – начала XX в., в рамках которой также осуществлялся поиск альтернативных моделей модернизации. Опыт осмысления этих моделей, одной из которых и являлся прогрессизм, имеет значение для лучшего понимания некоторых процессов, характерных для современного российского общества.

Появление в русском либеральном лагере срединного, центристского течения, которое дистанцировалось от консервативного (в лице октябристов) и радикального (в лице кадетов) направлений российского либерализма и получило название прогрессизма, стало реакцией на углубление социально-экономического и общественно-политического кризиса начала XX в., который грозил стране глубокими социальными потрясениями. Умеренно-прогрессивный лагерь в России начала XX в. переживал период становления (который так и не был завершен) и был представлен Партией демократических реформ (далее – ПДР), Партиями мирного обновления, прогрессистов, которые тесно взаимодействовали между собой.

Прослеживаемая преемственность в программах этих партий, схожие организационные принципы, тождество социальной базы, важная роль лидеров Партии демократических реформ М.М. Ковалевского, В.Д. Кузьмина-Караваева, А.С. Посникова в становлении и развитии партий мирного обновления и прогрессистов позволили в отечественной историографии рассматривать ПДР как идейную предтечу российского прогрессизма, как первый, наиболее заметный опыт их политической организации (1906–1907) (2).

Новая партия в определенном смысле персонифицировала связь конституционного движения конца 1850-х – начала 1860-х гг. с земским либерализмом 1880–1890-х гг. Важную роль в консолидации сил российской либеральной оппозиции в этот период сыграл журнал «Вестник Европы». Его ведущий сотрудник К.К. Арсеньев стоял у истоков создания Партии демократических реформ. Вместе с ним в организационный комитет партии вошли профессора Петербургского политехнического института К.П. Боклевский, А.Г. Гусаков, И.И. Иванюков, члены редакции «Вестника Европы» М.М. Стасюлевич, В.Д. Кузьмин-Караваев, известный петербургский адвокат Д.В. Стасов и историк М.М. Ковалевский.

Наряду с «Вестником Европы» позицию ПДР по общественно-политическим вопросам отражала также газета «Страна», выходившая на протяжении полутора лет (1906–1907 гг.). Ее редакцию возглавляли М.М. Ковалевский и известный экономист, проф. И.И. Иванюков, а сотрудниками были К.К. Арсеньев и А.С. Посников (экономист и земский деятель).

Ведущая роль в ПДР принадлежала интеллигенции, ориентированной на союз с предпринимателями, в числе которых были и представители старообрядческого движения – сторонники идеи мирной эволюции и защиты национальных интересов страны.

В результате идеология «обновленческого» течения, испытав на себе воздействие воззрений деятелей старообрядческого капитала и интеллигенции (П.П. Рябушинского, Д.В. Сироткина, Ф.Е. Мельникова, М.И. Бриллиантова и др.), приобрела свою специфику, оказав, в свою очередь, определенное влияние на формирование «национального лица» отечественного либерализма.

Этот факт является еще одним подтверждением высказанной профессором В.В. Шелохаевым мысли о множественности источников и форм русского либерализма (3).

Прогрессисты обращали внимание на отставание России от Запада, тяжелые условия жизни населения, акцентируя внимание на таком феномене, как рост нищенства (особенно в Москве и Московской губернии) и, как следствие, – рост числа самоубийств.

Все это являлось, по их мнению, результатом политической апатии в обществе, отсутствия у людей светлых целей. Наряду с повседневной жизнью особенно ярко апатия и упаднические настроения проявлялись в таких сферах деятельности человека, как искусство и философия. Несоответствие социальных учреждений высоким нравственным нормам, существовавшим в обществе, порождали противоречие в мировосприятии человека, которое с развитием науки и гуманистических идей усиливалось, перерастая в итоге в нравственный кризис, характерный для конца XIX – начала XX в.

На этом фоне прогрессисты в качестве главной силы общественного развития рассматривали умственное и нравственное совершенствование отдельных личностей, выступая за развитие просвещения и образования, гражданских и политических свобод.

Опыт ПДР оценивается в современной историографии как одна из первых серьезных попыток создания в России либерально-демократической партии «почвенного» типа (левоцентристского толка), в основу программы которой были положены традиционные либеральные ценности. Однако одновременно она была нацелена на то, чтобы максимально адаптировать собственную программу применительно к своеобразным условиям России. В основе идеологии ПДР лежала идея о преимуществах эволюционного развития общества, об осуществлении перемен путем постепенных изменений в социально-экономическом укладе и массовом сознании людей.

Говоря о Партии демократических реформ, один из ее идеологов М.М. Ковалевский писал: «Это – партия, избегающая всяких крайностей, выше всего ставящая науку и свободное исследование, далекое от подчинения политике, церкви, национальным пристрастиям, завоевательным стремлениям, справедливая по отношению ко всем классам общества, озабоченная материальным и духовным благоденствием Родины, считающая утопией всякую попытку вызвать переворот в общественном укладе, по крайней мере, переворот быстрый и внезапный, и подготавливающая лучшее будущее распространением в массах знания и уравниванием условий борьбы и конкуренции из-за приобретения необходимого достатка» (4).

В своей идеологии и политической программе партия активно использовала либеральную теорию заимствования иностранного опыта, значительный вклад в разработку которой внес М.М. Ковалевский.

Ученый, исследовав взаимосвязь демократических институтов власти и политической культуры народа, пришел к выводу о предпочтительности для России «почвенной модели» демократии, подчеркивал роль земства, которое было призвано стать центральным звеном народного представительства. При этом он опирался на опыт личного участия многих создателей ПДР в работе органов местного самоуправления (5).

Основатели партии не сомневались в том, что Россия развивалась в направлении демократии, хотя признавали, что на этом пути стояли серьезные препятствия, порожденные ее историей, в том числе отсутствие независимой, политически активной аристократии. Служилое сословие, из которого формировалось российское дворянство, никогда не было такой аристократией. Оно было прикреплено к службе, как крестьянство к земле, зависело от престола, и не приобрело опыт участия в политическом управлении, добившись лишь некоторых сословных привилегий (6).

В процессе политических преобразований идеологи ПДР считали необходимым сохранить историческую преемственность при определении государственной формы правления, в соответствии с интересами и верованиями народных масс. То есть, будучи демократией, Россия должна была оставаться монархией. Ее монархическое устройство, как считалось, было вызвано «всею ходом истории, необходимостью сплотиться под главенством сильной центральной власти, чтобы завоевать себе независимость от татар, отстоять ее от поляков, шведов и турок, и расширить пределы государства от Балтийского моря до Черного, от Вислы до Тихого океана» (7).

В связи с этим в качестве цели освободительного движения в России ставилась задача «под кровом традиционных форм» внести в них «новое содержание, обеспечить личную свободу, гражданское равенство, равноправие национальностей» и пр. (8).

Исходя из политической традиции, именно монархический принцип правления призван был обеспечить преемственность в политическом строе государства при переходе России на новый путь развития, с тем, чтобы придать переменам плавный и необратимый характер.

Суть политических реформ, предложенных ПДР, сводилась, таким образом, к обоснованию идеи «народной монархии». Но, как для всякой либеральной политической силы, для идеологов ПДР важным оставался принцип верховенства закона, которым должно было определяться государственное устройство Российской Империи как наследственной конституционной монархии. Следует отметить, что к этой идее вновь обратятся в послереволюционный период представители политической мысли русского зарубежья, в частности, Иван Солоневич, также предложивший в качестве альтернативы для постсоветской России модель «народной монархии».

Глубокие теоретические и практические знания, в том числе в области истории государства и права западноевропейских стран, политической экономики позволяли идеологам ПДР делать заключение о наличии прямой связи между прогрессивным развитием России, расцветом ее самобытности и ценностями западной цивилизации («западной образованности»).

Так, в политических взглядах И.И. Иванюкова явно видна приверженность программе ПДР, поддержка идеи конституционной монархии, ограниченной основным законом.

Вместе с тем в его работах, посвященных американскому обществу, прослеживается положительное отношение к демократическим принципам государственного устройства, сопряженное с пониманием их обусловленности историческими особенностями развития страны.

Более того, Иванюков называл гражданское равенство главным фактором, влияющим на развитие нравственности. Он отмечал, что принцип равноправия присутствовал в американском обществе с момента его возникновения.

Сама специфика социальных учреждений в Америке способствовала росту грамотности населения, поскольку каждый, даже самый необразованный член американского общества принимал активное участие в политической жизни страны. «Здесь каждый гражданин участвует в управлении республикой. Участвуя в выборах, следя за ходом общественных дел, прислушиваясь к голосу общественного мнения, заурядный американец набирается знаний, привыкает читать, рассуждать, и тем развивает свой ум» (9).

Важнейшим следствием примерно равного уровня образованности всех членов общества Иванюков называл отсутствие фундаментального расхождения мнений в различных социальных группах, столь характерное для европейского общества. В результате, благодаря экономическому и юридическому равенству всех сословий, а также благодаря высокой образованности всего общества в Америке существует гражданское общество, которое одним своим наличием служит примером преобразующей силы.

Одной из важнейших особенностей американского общества, прямо вытекающей из чувства равенства, Иванюков называл также уважение к голосу большинства. То есть здесь общественное мнение имело важное значение, ибо оно вырабатывалось целой нацией. Благодаря свободе прений каждый

гражданин Соединенных Штатов, отмечал Иванюков, может высказать свое мнение, внести какое-либо предложение, а значит, не было причин для появления радикальной оппозиции, недовольной государственной политикой и не находящей иного пути борьбы, кроме как с оружием в руках. А благодаря свободе прений подчинение мнению большинства не превращалось в Штатах в «тиранию демократии». Ввиду высокого нравственного развития, заключал Иванюков, американские граждане понимали, что рассмотрение наравне с мнением большинства мнения меньшинства есть один из главных элементов свободы (10).

И.И. Иванюков также разделял идею о том, что единственный путь к полноценному общению государства и народа есть выборный законодательный орган, а активное участие в политической жизни страны (здесь он исходил из американского опыта) способствует скорейшему развитию чувства гражданского долга у всех слоев населения.

Народное представительство мыслилось идеологами ПДР состоявшим из двух палат: нижней, которая избирается всеми совершеннолетними и полноправными гражданами мужского пола, на равных для всех основаниях, тайным голосованием, и верхней, избираемой органами местного самоуправления.

Верхняя палата создавалась как противовес всяким попыткам установления монополии власти нижней палатой (приводились аналогичные примеры из истории Англии в эпоху так называемого Долгого парламента и истории Франции в эпоху Конвента). Опасность, по мнению идеологов ПДР, заключалась в том, что в противном случае «самодержавная палата может отсрочить время своего распускания и превратиться в продолжительного, если не постоянного, тирана» (11).

Одновременно верхняя палата рассматривалась в качестве постоянного посредника между нижней палатой и монархом, соперничество между которыми во власти могло склониться к решительной победе одного из двух противников. Именно интересы свободы обуславливали существование между ними постоянного посредника в лице верхней палаты. Ее формирование предполагалось осуществлять на основе выборов депутатов органами местного самоуправления, что, по замыслу идеологов партии, давало возможность допустить к представительству женщин, по крайней мере предпринять таким образом «частичную попытку введения самостоятельной половины женского общества в сферу политической жизни» (12). Речь шла о женщинах, которые вели свое хозяйство и соответствовали имущественному цензу или цензу оседлости, который предъявлялся для участия в земских и городских выборах (13).

Выборы в органы местного самоуправления должны были проводиться на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования безотносительно к полу, вероисповеданию и национальности и при условии постоянного проживания в данном уезде или городе не менее двух лет, а для лиц, не удовлетворявших данному условию, обладания также в течение того же срока недвижимым имуществом.

«Нашей демократии, – отмечал Ковалевский, – предстоит пойти той же дорогой, что и Соединенным Штатам, т.е. расширить функции земских и городских собраний, распространить их систему на всю империю и свести задачи центральной администрации и ее органов в губерниях и уездах к одному надзору» (14). При этом всякое расширение либо ограничение прав местного самоуправления могло быть произведено лишь путем издания основного закона.

Дума наделялась законодательными полномочиями, правом принятия бюджета и контроля за правительством. Предлагался также механизм в форме вотума «недоверия» правительству по случаю поступившего от министра ответа на сделанный ему палатами запрос или в форме блокирования внесенного правительством законопроекта. При этом идеологи ПДР постоянно обращались к опыту западноевропейских стран.

В частности, по данному вопросу отмечалось, что в таких странах, как Англия или Франция, «министерство принадлежало по своему составу к численно господствующей партии, и обходилось без вотума «недоверия», предпочитая ему более простое средство – отклонение министерских предложений большинством депутатов». В то же время в США глава исполнительной власти – президент – выбирал своих ближайших советников – министров, и вотума «недоверия» было недостаточно подчас для того, чтобы свергнуть это правительство. В Конституции Германской империи говорилось об ответственности канцлера, но не определялись более точно характер и способ проведения в жизнь этой ответственности (15).

Как видно из политических документов ПДР, она уделяла специальное внимание вопросу о министерской ответственности, объявляя, что министры в политической своей деятельности ответственны перед народным представительством. Предполагалась и судебная ответственность при нарушении ими закона.

Статья из программы, гласившая, что «никто не может быть подвергнут преследованию, наказанию или правоограничению иначе, как на основании закона и надлежащей судебной властью», распространяла свое действие и на чиновников, к числу которых относились министры.

При этом в программе партии открыто высказывалось мнение о том, что преступления и проступки, совершенные ими при отправлении должностных обязанностей, подлежат ведению суда на общем основании, и в этом случае не требовалось чьего-либо разрешения для открытого судебного преследования министров (16). Считалось также важным закрепить право «вынуждать их к оставлению службы, в случае недовольства их политикой» (17).

Как всякая либеральная партия, ПДР отстаивала принципы равенства, свободы, включая свободу совести, устного и печатного слова, передвижения, свободу от произвольных арестов и др.

Личные права граждан понимались идеологами ПДР весьма широко и ставились под защиту суда, как в отношении личной неприкосновенности, так и свободы слова и печати. Здесь был использован английский опыт: при

обеспечении публичных прав граждан потерпевшему от произвольного задержания разрешалось требовать возмещения ему государством понесенных убытков.

Более того, право петиций признавалось не только за частными лицами, но и за целыми группами, союзами, собраниями и т.п. В качестве примера использовалось западноевропейское (континентальное) законодательство, в соответствии с которым (начиная с французского) вводились известные ограничения по отношению к числу лиц, скреплявших своей подписью то или другое письменное ходатайство перед властями и палатами. И лишь английское законодательство на тот момент уже на протяжении 100 лет не знало подобных ограничений (18).

Выступая за верховенство закона, идеологи ПДР отстаивали принцип свободного от всяких ограничений суда, выступали за несменяемость судей, гласность и состязательность, а также сохранение суда присяжных.

Идеология русского либерализма имела, как известно, ярко выраженную социальную окраску. А члены редколлегии «Вестника Европы» неоднократно подчеркивали наличие связи между либерализмом и социализмом в России, выделяя ее в качестве характерной черты русского освободительного движения.

Так, профессор И.И. Иванюков, основываясь на марксистском подходе к вопросам развития социума, утверждал, что «экономическая сторона общественной жизни есть главнейшая, существеннейшая. Все остальные социальные явления, вплоть до нравов и понятий, суть только обусловливаемые фундаментом надстройки». Потому важно было выработать принципиально новую систему хозяйственных отношений, при которой экономическое превосходство, основанное на крупной частной собственности, перестало бы быть возможным.

Таким образом, по мнению Иванюкова, чтобы улучшить нравственный облик общества, прежде всего, нужно было решить социально-экономические проблемы. Без этого невозможно было преодолеть противоречие между принятыми в обществе моральными ценностями и реальной социальной обстановкой, а тем самым – избавиться от пессимистических настроений.

Иванюков писал: «Из всех факторов, способствующих смягчению нравов, уравнивание общественных положений является самою могущественною причиною... История учит нас, что по мере того, как уравниваются общественные положения, смягчаются нравы» (19).

Та же социальная заостренность присутствовала и в аграрном и рабочем вопросах, разработанных идеологами ПДР, которые были сторонниками усиления роли государства в деле осуществления социально-ориентированных реформ как единственно приемлемых для России. Гарантом успеха призвано было служить сотрудничество общественных сил и верховной власти.

Допуская неравенство способностей и неравенство имуществ, партия стремилась в то же время к возможному ограничению всяких крайностей,

прежде всего к ограничению роста больших состояний, обеспечению возможно большему числу лиц доступа к земле и заработка, достаточного для покрытия издержек существования.

Разработкой экономической теории вопроса активно занимался Иванюков. Одной из важных позиций в ней являлась критика свободной конкуренции.

Иванюков резко критически относился к процессам концентрации крупных земельных владений и больших земельных участков в руках небольшого числа финансовой буржуазии. По его мнению, концентрация крупных земельных владений в частных руках пагубно влияла на социальную жизнь государства и настроения общества. Этот процесс приводил к образованию монополий, что, в свою очередь, нивелировало единственное положительное следствие свободной конкуренции – стремление производителей к удешевлению производства (20). То есть сложившийся в России хозяйственный уклад, по мнению сторонников прогрессистской идеологии, приводил к катастрофическим социальным последствиям. Центральной проблемой в связи с этим называлось социальное неравенство, причины которого обнаруживались в экономическом превосходстве владеющего землей и орудиями труда меньшинства над большинством.

При этом, исходя из численного превосходства крестьянства в стране, Иванюков приоритетным для России называл вопрос материального положения сельских жителей как основы «благополучия всех классов общества и цветущего положения государственных финансов» (21).

С отменой крепостного права Россия выходила на новый этап развития, характерной чертой которого явился переход к принципам гражданского равноправия, что должно было способствовать сближению страны с западным миром, где юридическое равенство всех членов общества к тому моменту стало неотъемлемой частью социального быта. Последовавшие за отменой крепостного права либеральные реформы 1860-х гг. Иванюков называл «логическим следствием уничтожения крепостного права». Кроме того, весь каскад реформ служил, по его словам, «единственно развитию принципа гражданского равенства через «уничтожение сословных привилегий».

В программе ПДР речь также шла о частичном отчуждении государством крупной земельной собственности помещиков с вознаграждением из государственной казны; об образовании государственного земельного фонда (из государственных, удельных, кабинетских и отчужденных помещичьих земель), который предполагалось использовать для наделения им безземельных и малоземельных крестьян в бессрочное пользование за установленную законом плату. Здесь прослеживается сходство аграрной программы ПДР со взглядами трудовиков и энесов, в том числе в вопросе наделения крестьян землей по трудовой норме (22). При этом партия, выступая за свободное развитие всех форм собственности, делала акцент на сохранении и упрочении в общественном сознании принципа частной собственности.

В вопросе о национально-государственном устройстве Ковалевский признавал, что Россия представляла собой страну, «образовавшуюся путем частью насильственного, частью добровольного присоединения многих народностей, слагавшихся или уже сложившихся государств», которые сохраняли тяготение если не к прежней независимости, то к возможно слабому вмешательству центральной власти в их местную жизнь. Эти настроения сказывались неравномерно в разных областях и более всего там, где культурная обособленность поддерживалась различием языка и историческим прошлым, а также памятью о сравнительно недавней потере свободы самоопределения. Поэтому сильнее всего эти настроения проявлялись в Финляндии и Польше, чем в Закавказье.

В программе ПДР не было речи о Финляндии, отношение которой к России определено событиями, следовавшими после 17 октября, и говорилось только о Царстве Польском, которому было обещано широкое областное самоуправление с правом издания местных законов при сохранении единства с империей.

В программе предусматривалось предоставление автономного управления отдельным областям (определенным территориальным единицам), за которыми признавались законодательные полномочия исключительно по вопросам местного значения, не затрагивавшим единства империи. При этом не допускалось немедленного обращения империи в цепь автономных единиц, а именно – «признания всякой губернии за самостоятельную область, и земского собрания в ней за учреждение с законодательными функциями» (23).

Вместе с тем Ковалевский указывал на необходимость полного признания прав местных языков в начальной и средней школах, а также в суде, в особенности при распространении на эти окраины суда с присяжными заседателями.

Особое внимание в идеологии ПДР уделялось распространению в массах просвещения. Для этого партия выдвигала задачу введения в стране всеобщего, бесплатного и обязательного начального образования.

Понимая то громадное значение, какое могла иметь инициатива частных лиц и общественных учреждений в деле устройства школ, партия ожидала и от правительства поддержки инициативы тех, кто был озабочен мыслью об устройстве учебных заведений разных типов или организации внешкольного образования. В этом вопросе партийные идеологи предлагали заменить правительственную опеку (результатом которой, по их мнению, был слабый процент грамотности) «свободой личного и общественного почина в деле распространения грамотности в массах, убрать все существовавшие ограничения (по полу, происхождению и вероисповеданию) в вопросе образования».

Ковалевский отмечал: «Сыновьям кухарок не будут напоминать, как это делал министр Делянов, о том, что им лучше не учиться, так как подобного рода государственная мудрость признается в настоящее время непростительной глупостью; евреям не будут ставить на вид, что их можно принять в созданные государством школы только в том случае, когда они не превы-

шают известного процента. Ведь о том же проценте не заходит речи, когда их шлют на войну или облагают налогом; женщинам не будут говорить, что стремление их к высшему образованию грозит отнятием их у семьи, так как в таком заявлении нет правды, и всякому известно, что имущественная необеспеченность в большей степени ведет к разрыву с семьей, нежели обладание высшим образованием» (24).

Иными словами, равенство в свободе, проводимое в отношении к пользованию публичными правами, должно было найти выражение и в применении к образованию. В распространении знаний идеологам ПДР виделось важнейшее условие достижения подлинного равенства граждан.

От уравнивания условий приобретения всеми начального образования, как считалось, в выгоде будут не одни народные массы, но и вся страна, которой только под этим условием может быть обеспечено сознательное отношение избирателей к их обязанностям, а потому высший уровень народного представительства.

«Без этого демократия, – писал Ковалевский, – неизбежно выродилась бы в то правительство невежественной черни «охлократию», которую еще древние считали наихудшим из всех правительств. Такое правительство было неустойчивым и послужило бы переходной ступенью к народному цезаризму, всегда искавшему в невежественных, столько же обделенных знанием, сколько и имуществом, «черных сотнях» поддержки своих честолюбивых замыслов и опоры своему единовластию» (25). Это были те же опасения, с которыми выступил Д. Мережковский в своей поэме «Грядущий Хам». То есть партия одинаково высказывалась и против владычества «невежественной черни, и против ее исчадия народного цезаризма» (26).

Таким образом, осуществление освобождения русского народа от вековых цепей как духовного, так и материального рабства считалось возможным только на путях просвещения, личной свободы и самоуправления общества через посредство его представителей.

В целях укрепления сил для обновления страны мирным путем в 1906 г. произошло объединение Партии демократических реформ с Умеренно-прогрессивной партией под общим названием «Партия народного благоденствия». Она призвала объединиться под этим знаменем и другие партии, программы которых в основных тезисах были близки к принципам Партии демократических реформ. Однако линия партии на поиски консенсуса в обществе и создание широкого блока реформаторских сил не нашла желаемого отклика и поддержки в поляризованном, политически расколотом обществе.

Тем не менее Партия демократических реформ сыграла в политической жизни России заметную роль. Она внесла свой вклад в эволюцию идеологии российского либерализма, оказала определенное влияние на выработку модели российской модернизации, которая основывалась на идеях поэтапного, эволюционного развития России, с учетом российской специфики и решающей роли государства в решении социальных проблем общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) <http://www.kremlin.ru/news/8885>.
- (2) *Хайлова Н.Б.* Партия демократических реформ: Автореф. дисс. ... к.и.н. – М., 1994; *Хайлова Н.Б.* Проблема центризма в русском либерализме в начале XX века // *Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы*. – М., 1999. – С. 293–305; *Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов: Док-ты и мат-лы. 1906–1916*. – М., 2002; *Политические партии России: история и современность*. – М., 2000. – Гл. V. – С. 127.
- (3) *Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов: Док-ты и мат-лы. 1906–1916*. – М., 2002. – С. 15–16.
- (4) Там же. – С. 12.
- (5) *Политические партии России: история и современность*. – М., 2000. – Гл. V. – С. 122.
- (6) *Ковалевский М.М.* Политическая программа Нового Союза Народного Благочестия (Речь на собрании членов клуба независимых). Очерк. – СПб., 1906. – С. 32.
- (7) Там же.
- (8) Там же. – С. 33.
- (9) *Иванюков И.И.* Американская демократия // *Вестник Европы*. – 1891. – Кн. 12. – С. 690.
- (10) Там же. – С. 693.
- (11) *Программа партии демократических реформ // Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов: Док-ты и мат-лы. 1906–1916*. – М., 2002. – С. 34.
- (12) Там же. – С. 35.
- (13) Там же.
- (14) *Ковалевский М.М.* Политическая программа... – С. 13.
- (15) *Партии демократических реформ...* – С. 37.
- (16) *Ковалевский М.М.* Политическая программа... – С. 16–17.
- (17) Там же. – С. 7.
- (18) *Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов...* – С. 38.
- (19) *Иванюков И.И.* Один из вопросов русской культуры // *Новое обозрение*. – 1881. – № 21. – С. 100.
- (20) *Иванюков И.И.* Очерк истории политической экономии // *Русская мысль*. – 1883. – № 10. – С. 79.
- (21) *Иванюков И.И.* Политическая экономия как учение о процессе развития экономических явлений. – СПб., 1885. – С. 76.
- (22) *Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов...* – С. 24–26.
- (23) Там же. – С. 33.
- (24) Там же. – С. 39.
- (25) *Ковалевский М.М.* Политическая программа... – С. 40.
- (26) Там же.

**THE PROBLEM OF ALTERNATIVE MODELS
OF RUSSIAN MODERNIZATION: RUSSIAN DEMOCRATIC
REFORMS PARTY'S IDEOLOGY IN EARLY 20TH CENTURY**

M.N. Moseykina

Department of Russian History
Peoples` Friendship University of Russia
Mikhlukho-Maklaya Str., 10-2, Moscow, Russia, 117198

The Democratic reforms Party's ideology which corresponds to the ideological precursor of Russian progressivism at the beginning of the 20th century is analyzed in the article. Besides it the article covers the system of political, legal, moral, philosophic views and ideas of DPR followers. Special attention is paid to analysis of DPR's «edaphic model» of democracy.

Key words: Russian modernisation, ideology, progressivism, reforming, democracy, liberal opposition, country council, national monarchy.